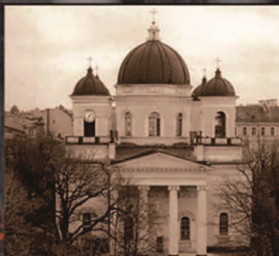

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В XX СТОЛЕТИИ
документы, воспоминания, свидетельства

Архиепископ Василий (Кривошеин)

Спасенный
БОГОМ

ВОСПОМИНАНИЯ ПИСЬМА

Архиепископ Василий (Кривошеин) Спасенный Богом. Воспоминания, письма

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51625824

Спасенный Богом. Воспоминания, письма / Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин): Сатисъ; Санкт-Петербург; 2007

ISBN 976-5-7868-0070-9

Аннотация

Воспоминания Владыки Василия (Кривошеина) посвящены смутному времени в русской истории: 1917, 1918 годы, когда рушилась тысячелетняя Империя, когда люди были кинуты в страшный водоворот трагических событий. Воспоминания написаны совсем молодым человеком. Их ценность в том, что они передают впечатления непосредственного очевидца. Но гораздо важнее их духовная значимость: будущий Владыка, что бы ни случилось в его жизни, знает, что Господь хранит его, что Всеблагая воля Божия свершается во всем происходящем. Эта книга – о вере, которую хранит душа в самых безнадежных обстоятельствах, и о чуде, которое являет Господь верующему человеку.

Книга дополнена письмами Архиепископа Василия и двумя докладами, прозвучавшими на конференции, посвященной 25-летию со дня кончины Владыки.

Содержание

Навсегда с Россией	9
Предисловие	15
Февральские дни в Петрограде в семнадцатом году	17
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Архиепископ Брюссельский
и Бельгийский
Василий (Кривошеин)
Спасенный Богом.
Воспоминания, письма**

*По благословению
Архиепископа Брюссельского и Бельгийского СИМОНА*

Архиепископ Брюссельский и Бельгийский
Василий (Кривошеин) (1900–1985)

© Издательство «Сатись», 2007

Навсегда с Россией

Несколько лет тому назад я была в Брюсселе и брала интервью у архиепископа Брюссельского и Бельгийского Симона (Ишунина). В его кабинете висят портреты предшественников, в разные годы возглавлявших эту кафедру. Среди них и портрет Владыки Василия (Кривошеина). Судьба его, пастырское и литературное наследие настолько интересны, что сегодня в России многие обращаются к его опыту.

Мы представляем редкую возможность познакомиться с воспоминаниями Владыки Василия (в миру Всеволод Кривошеин). Они написаны совсем молодым человеком, в те смутные и тревожные годы ему было около девятнадцати лет. Он родился в Петербурге 19 июня 1900 г. в семье А.В. Кривошеина, министра земледелия и землеустройства в правительстве Государя Императора Николая II. Февральская революция застала Всеволода студентом филологического факультета Петроградского университета. Эти события, очевидцем которых он стал, потрясли его. Трое из его старших братьев уже были в действующей армии. Переехав вскоре в Москву, Всеволод решает перебраться на юг, перейти фронт и вступить в ряды Добровольческой армии. «Все в советском строе стало мне к тому времени неприемлемым и отвратным, и вместе с тем я осознал, что для меня нет в нем места. Я не в силах был сидеть сложа руки», – пишет он. Ин-

тересен рассказ молодого Всеволода, что перед дорогой его тетушка надела на него нательный образок великомученицы Варвары. Тогда еще будущий монах по своей малоцерковности не знал, что великомученица Варвара спасает от неожиданной и насильственной смерти, и тем не менее он молился ей, как умел, всю дорогу. С Божией помощью он уходил от, казалось, неминуемой смерти. Бог спасал его много раз от расстрелов, тюрьмы, ран и стихии. Поражение Деникина, Врангеля и Колчака привело к исходу Белой армии с юга России. Всеволод отступал вместе со всеми, из Новороссийска он прибыл в Каир, а потом в середине 1920 года в Константинополь. В начале 1921 г. он оказывается в Париже со всеми оставшимися в живых членами своей семьи. Здесь он поступает в Сорбонну и одновременно принимает участие в съездах православной молодежи. В 1924 г. он записывается студентом в только что основанный митрополитом Евлогием Свято-Сергиевский Богословский институт, а через несколько месяцев Всеволод едет с группой студентов на экскурсию на Афон. Это посещение настолько потрясает его, что он решает остаться здесь навсегда. На Святой Горе он проводит более двадцати лет и здесь же принимает постриг. Потом будет Оксфорд, Бельгия и опять Россия.

Удивительный путь прошел Архиепископ Василий (Кривошеин), от студента-патриота, с нательным образом великомученицы Варвары, до известнейшего архипастыря, доктора богословия, знаменитейшего патролога, написавшего фун-

даментальные труды об аскетическом и догматическом учении святителя Григория Паламы и преподобного Симеона Нового Богослова.

Первым его послушанием на Афоне была работа в мастерской отца Матфея по починке облачения, а следующим – за два года выучить греческий язык в совершенстве. Он выучил современный греческий и древнегреческий и владел ими в совершенстве, не хуже чем русским, французским и английским. Вскоре молодого монаха назначили монастырским секретарем-грамматиком, в обязанности которого входила переписка с афонским Кинодом, Вселенской Патриархией и греческими правительственными учреждениями. Затем монах Василий стал членом монастырского Совета и его почти ежегодно посылали вторым чрезвычайным представителем русского Пантелеймонова монастыря на общеафонские собрания двадцати монастырей, где решались и обсуждались наиболее важные святогорские вопросы. С 1942 г. он становится постоянным представителем монастыря в Киноте (Афонском парламенте), а в 1944—45 гг. и членом Эпистафии (Афонского административного округа). Надо сказать, что то были десятилетия далеко не лучшие для Святой Горы. Если в 1925 г., когда Всеволод Кривошеин попал на Афон вместе с архимандритом Софронием (Сахаровым), братии в русском монастыре насчитывалось 550 человек, то в 1947 г. было только 180. Одна из серьезных причин такого сокращения – это ограничительные меры грече-

ских властей против приезда иностранцев на Афон, распространившиеся и на русских эмигрантов. Монах Василий как монастырский секретарь и представитель в Киноте многие годы боролся против таких ограничений. Понятно, что это вызвало недовольство у лиц, враждебных русскому монашеству на Афоне, а потому в сентябре 1947 г. отец Василий вынужден был оставить Святую Гору. Прошло тридцать лет, и он опять ступил на эту благословенную землю, но уже как архипастырь Русской Православной Церкви.

По приезде в Оксфорд о. Василий был рукоположен во иеромонаха; а в 1959 г. в Лондоне состоялась его хиротония и он был назначен епископом на Бельгийскую кафедру Московской Патриархии.

Как-то в семидесятые годы, в Пюхтицком Успенском женском монастыре, игумен Серафим с Афона вспоминал с огромной теплотой о последнем приезде Владыки Василия на Святую Гору: «Дел у меня в монастыре, как говорится, непочатый край. С утра до вечера хожу, хлопочу. И Владыка Василий целыми днями за мной ходил и очень часто просил поисповедовать его, а я даже удивлялся этому. Видно, святое место обострило духовное зрение человека, чувствовавшего приближение Вечности, и он старался очистить душу от всех нераскаянных грехов». Как тут не вспомнить слова покойного митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая об огромном опыте духовного делания Архиепископа Василия (Кривошеина). Действительно, только представить,

какой непростой путь он прошел, сколько испытаний выпало на его долю, в какие тяжелые обстоятельства на грани физической смерти ставила его жизнь, а Бог был всегда рядом и спасал его!

Многие, кто знали Владыку в жизни, особо подчеркивают, что он никого никогда не осуждал. Но и с несправедливостью смиряться не хотел – тут его голос звучал громко и отчетливо. Историки-религиоведы знают, какую большую роль сыграли его выступления накануне Поместного Собора Русской Православной Церкви в 1971 г. Голос Бельгийского Архиепископа был одним из немногих, прозвучавших в пользу тайного голосования при избрании будущего Патриарха Пимена.

В продолжение воспоминаний о Гражданской войне мы приводим несколько писем послушника, инока, монаха Василия к своим близким. Счастье, что эти свидетельства его жизни на Афоне дошли до наших дней и были тоже спасены Богом. Для нас они говорят о многом: не только о трудностях монашеской жизни, но и об огромной любви и привязанности к людям. Но главное, что его жизненный путь освещала вера, которую он в своем научном труде «Преподобный Симеон Новый Богослов» назвал «жемчужиной несравненной ценности».

В одном из некрологов было написано, что кончина Владыки Василия на родной земле видится как явный знак Божьего благословения за длинную, трудную и многострадаль-

ную жизнь архипастыря и богослова в служении Русской Церкви и в свидетельстве правды Христовой. Отпевали Владыку в Преображенском соборе в Ленинграде, где когда-то его младенцем крестили. Похоронен он на Серафимовском кладбище, как он часто говорил, «в городе на Неве», а теперь вновь, как при его рождении, Санкт-Петербурге.

Н.И. Ставицкая

газета «Православная Москва»

(текст приводится в сокращении)

Предисловие

Писать о событиях полувековой давности – дело нелегкое. Как ни ярко запечатлелись в сознании действительно потрясающие события и переживания грозной эпохи революции и гражданской войны в России – все, что я лично пережил, видел и слышал, – время многое вырвало из памяти, особенно имена и даты. Да и сами переживания, чувства тех времен невольно окрашиваются тем, что мне пришлось испытать впоследствии в течение долгой жизни. Я это хорошо понимаю и тем не менее пишу эти воспоминания, как ни далеко и, казалось бы, даже чуждо описываемое в них прошлое, которое так различно со всей моей настоящей жизнью, с ее духовными и интеллектуальными интересами. Пишу потому, что не могу не писать. Хочется высказаться: ведь прошлое все ж таки живо, да и мне пришлось многое пережить, а поэтому есть, о чем рассказать. Не в смысле, конечно, большой истории, – я был слишком молод и слишком незначительно было мое тогдашнее положение, чтобы я мог быть деятелем исторических событий. Но то, что я лично видел и слышал и что испытал, – это я постараюсь рассказать, может быть, не достаточно объективно, но правдиво и до конца искренне, ничего не замалчивая, даже если это не всем понравится. Я хочу рассказать о феврале 1917 г. в Петрограде, о начале революции и о кульминационном моменте граждан-

ской войны в России осенью 1919 г. по обе стороны фронта. Рассказать, как Бог неоднократно спасал меня от, казалось бы, неминуемой смерти.

Единственное, что я счел возможным добавить к этим «Воспоминаниям» – это ряд примечаний, преимущественно исторического характера. Они уясняют обстановку описываемых мною событий и делают более понятным мой рассказ.

Февральские дни в петрограде в семнадцатом году

В четверг 23 февраля 1917 г. я вернулся около четырех часов дня из университета в нашу квартиру на Сергиевскую, 36, что почти на углу с Воскресенским проспектом. Я был тогда, несмотря на мой ранний возраст, студентом первого курса историко-филологического факультета Петроградского университета. Насколько помню, я вернулся домой пешком, как я это иногда любил делать, тем более что трамваи были обычно переполнены и на них было трудно попасть. День был солнечный, небольшой мороз, в городе я ничего особенного не заметил. От университета до нас около часа ходьбы, я устал и прилег на некоторое время на кровать отдохнуть в комнате, где жил вместе с моим старшим братом Игорем, поручиком Лейб-гвардии Конной артиллерии. Он служил тогда в ее запасной батарее в Павловске, но был в эти дни в отпуску в Петрограде. Сейчас он отсутствовал. Не знаю точно, сколько я пролежал, полчаса или час, как в мою комнату стремительно вошла, с присущей ей энергией, моя тетя, Ольга Васильевна Кривошеина, и прикрикнула: «Что ты тут валяешься и спишь? Не знаешь, что происходит?! В городе бунт, революция, а ты валяешься!»

Характерной чертой моей тетушки была ее склонность

иронизировать и подтрунивать. И сейчас она, конечно, подтрунивала надо мною: вот ты считаешь себя таким «революционером» (а у меня действительно были тогда такие настроения), а сейчас происходит революция, а ты валяешься и почиваешь. Сама Ольга Васильевна была отнюдь не левых убеждений, но она не принимала меня всерьез, да к тому же не придавала, видимо, большого значения начавшимся в городе беспорядкам.

«Как? Какая революция? – спросил я, вскакивая с постели. – Я сейчас вернулся из города и ничего не видел». – «Да ты никогда ничего не замечаешь, – продолжала иронично тетья, – в городе бунт. По Литейному разъезжают казаки. Я сама сейчас видела». Я стал быстро собираться и направился к выходу. «Куда, куда? Оставайся, никуда не ходи!» – крикнула вслед мне тетюшка, пытаясь меня остановить, но я не послушался и быстро вышел из дому.

Я пошел направо по Сергиевской улице по направлению к Литейному проспекту, ее пересекающему. До него было около десяти минут ходьбы. Сергиевская казалась пустынной более обыкновенного, хотя особого движения вообще не бывало. Я вышел на Литейный. Никаких казаков, о которых говорила тетья, нигде не было видно. Зато Литейный проспект, обычно оживленный, казался совершенно пустым. Особенно бросалось в глаза отсутствие трамваев. Не было видно и городских; полицейский всегда стоял на углу Литейного и Сергиевской, а сейчас его не было. Все это создава-

ло какое-то смутное и тревожное настроение, хотя никаких других признаков революции или смуты не было заметно, так что я даже был разочарован. «Пошел и ничего не увидел», – говорил я сам себе. Постоял немного и думал было возвращаться домой, но потом решил пройтись еще дальше по Сергиевской, посмотреть, что делается в округе. На углу Литейного проспекта и Сергиевской, в направлении Летнего сада, находился тогда большой Литейный оружейный завод. Я пошел вдоль его стены, на Сергиевскую улицу выходили деревянные ворота завода. Как раз в этот момент они раскрылись, и из них стала вываливаться густая толпа рабочих. Многие уже средних лет и более, бородачи. Шли молча, почти не разговаривая друг с другом. Вид у них был серьезный, почти мрачный, как мне казалось, достаточно решительный. Они долго выходили и потом, не останавливаясь, расходились по улицам. Что это такое? Окончание рабочего дня? Смена? Или начало забастовки? Эти вопросы мгновенно пронеслись в моей голове. Вернулся на Литейный. Та же пустыня и полное отсутствие полиции. Вдруг я заметил, что вдоль Литейного, по направлению от Невского, движется отряд конных казаков, человек пятнадцать. Они ехали шагом и, доехав до угла Сергиевской улицы, свернули и остановились. Уже темнело. Казаки слезли с коней, сложили свои ружья и стали разводить костер посреди улицы. Видимо, они располагались на ночлег. Я вернулся домой.

На следующий день, в пятницу 24 февраля, я вышел из

дома около девяти часов утра, сказав, что иду, как обычно, в университет. Это была правда, я действительно туда направлялся, но на самом деле мне, прежде всего, хотелось посмотреть, что происходит в городе, и даже принять какое-то участие в событиях. Мне думалось, что вот в университете узнаю много нового, соберется какой-нибудь студенческий митинг, и мне будет интересно на нем присутствовать. Я, да и многие другие, пожалуй, не представляли себе всю серьезность наступающих событий для России. Добраться до университета оказалось, однако, невозможным. Дойдя до Литейного, я сразу заметил, что полиции, как вчера, совсем не было, трамваи не ходили. По Литейному двигалось много народу, все шли по направлению к Невскому проспекту.

Шли большими группами, молча, частью по тротуарам, но постепенно все более захватывая улицу. На ней я скоро заметил конные отряды казаков, в несколько десятков каждый, а также отряды конной полиции в серых шинелях, более малочисленные. Толпа, увидев казаков, дрогнула и смутилась, но, заметив, что казаки держатся середины улицы и никого не трогают, осмелела и продолжала двигаться вперед.

Образовалось какое-то сплошное шествие, тысячи народа; в большинстве рабочие по виду, но много студентов. Начали раздаваться революционные песни. Казаки, очевидно, получили приказ разогнать толпу. Они стали скакать на своих конях посредине широкого Литейного проспекта, махая в воздухе нагайками. Толпа опять шарахнулась, но, видя, что

казаки их не трогают, а только скачут посредине улицы, люди опять осмелели. Раздались радостные крики: «Казаки с нами!» и даже «Ура казакам!» Напротив, на полицейских кричали: «Фараоны! Фараоны! Долой фараонов!»

Эти выкрики стали как бы лозунгом революции. Дальнейшее продвижение к Невскому было, по-видимому, преграждено казаками или полицией на уровне Бассейной улицы, и толпа (или часть ее, в которую я попал) свернула направо и стала отсюда продвигаться к Невскому, приблизительно по направлению Казанского собора. Как-то сразу, в один момент, на нас с гиком и криками напали казаки, толпа бросилась бежать и была прижата к домам, но вскоре все заметили, что казаки только делают вид, что хлещут нагайками по спинам, а на самом деле бьют по воздуху. Опять паника сменяется торжеством. «Ура казакам!» – кричит толпа.

Дальше новая сцена. На этот раз на толпу в сотню-другую человек налетает отряд конных полицейских. Их совсем немного, всего каких-нибудь пять-десять человек максимум, но этого достаточно, чтобы толпа бросилась бежать и, прижатая к домам, залегла, стараясь подставить полицейским свои спины, а те стали лупцевать нагайками тех, кто поближе подвернулся. Помню, недалеко от меня залег какой-то студентик, полицейский усердно хлестал его по спине, на лице студента ярко было выражено чувство страха и паники, но отнюдь не боли. И действительно, как он потом рассказывал, его били совсем не «смертным боем».

Вся эта сцена полицейской расправы продолжалась, однако, не очень долго. Вдруг откуда-то подскочили те же казаки и начали бить полицейских нагайками! Те мгновенно исчезли. Опять крики торжества в толпе, а молодые казаки самодовольно ухмыляются. Как бы то ни было, толпе удалось дойти до Невского, там она слилась с другою толпою, запрудившей весь Невский проспект. Начались митинги, выступления ораторов, но пройти бунтарям к площади Казанского собора, по-видимому, в этот день не удалось. Впрочем, события этого насыщенного дня в памяти моей иногда смешиваются с тем, что происходило на Невском на следующий день. Идти мне дальше к университету сквозь громадную толпу на Невском было немислимо, да и так я потратил много часов, чтобы добраться до Невского, и там пробыл долго. Усталый, голодный (я целый день ничего не ел), я в поздние после-полуденные часы вернулся домой. Литейный, по которому я возвращался, был полупустынным, народ, очевидно, собрался на Невском, а многие, можно думать, возвращались по домам. Настроение было смутное и тяжелое, а еще более – усталое.

На следующий день, в субботу 25 февраля, я опять вышел с утра из дому и направился к Невскому, чтобы оттуда попасть, если возможно, в университет. Не помню подробностей, но картина мне напомнила вчерашнюю. Пустынная Сергиевская, множество народа, движущегося по Литейному к Невскому. Ни трамваев, ни городских, многие лавки и

магазины закрыты, а газет не продавалось вообще, – они почему-то исчезли с первого дня беспорядков. И даже, в отличие от предыдущего дня, не было видно ни казаков, ни конной полиции. Они, по-видимому, были стянуты в район Невского проспекта, так что толпа продвигалась в его направлении беспрепятственно. На самом Невском, близ Казанского собора, собралось несметное количество народа. Не могу сказать точно, но скорее всего, много десятков тысяч. Впервые появились красные флаги, которых я накануне не видел (а может быть, не заметил?). Эти флаги были странные, небольшие, «портативные», их можно было легко спрятать в карман, некоторые на коротких, небольших древках. Флаги несли высоко над толпой, эти же люди выкрикивали революционные лозунги: «Долой правительство! Долой самодержавие! Долой фараонов!» А вслед за тем, как-то более робко, следовало: «Долой войну!»

Видно было, что, в отличие от предыдущего дня, появились «профессиональные» агитаторы и революционеры, стремившиеся организовать взбунтовавшиеся массы и направить этот бунт в желательном для них направлении. В подавляющем большинстве эти массы состояли из городского простонародья, преимущественно рабочих, разных возрастов. Но в толпе мелькало и немало студентов с их университетскими фуражками. Мужчины в этой толпе всецело преобладали, женщин из народа, простых баб, почти совсем не было, зато довольно много курсисток. Начались сентимен-

тально-искусственные (как мне показалось, несмотря на мои левые настроения) сцены «братания» рабочих со студентами. Выглядело это так: рабочий берет у студента его фуражку, надевает ее себе на голову и отдает свою кепку студенту. «Да здравствуют студенты! – кричит кто-то из толпы. – Они всегда с народом!» Какой-то молодой парень, на вид мастеровой, со смазливой, но пошловатой физиономией, берет под ручку молодую, толстенькую, хорошо одетую, в шубке, курсистку с миловидным лицом и, шагая так с ней, громко разглагольствует: «Вы представить себе не можете, какие я в себе чувствую силы. Дайте мне волю, я черт знает что способен сделать. Но не могу! Нас душат, нас давит самодержавие, капиталисты. Мы поработаны капиталом. А то бы я черт знает что был бы способен сделать!» Это «чертыханье» он повторяет много раз. Я видел, что курсистка воспринимала эти громкие излияния с каким-то смущением, видно, она не привыкла ходить по улице под ручку с мастеровыми, но вместе с тем было заметно, что она гордится, что служит революции.

Вскоре организовался грандиозный митинг, море голов. На возвышение вылез оратор, человек лет сорока с всклокоченной бородой, в рыжеватом пальтишке, яркий брюнет, но, скорее, с русскими чертами лица. Он начал свою речь. Было видно, что он натасканный и опытный оратор, говорил плавно, без запинки, говорил злобно, угрюмо, сначала без особого пафоса и без огня, но под конец он умело и театрально

зажег толпу своими лозунгами. Первая часть речи была посвящена теме: «Долой самодержавие!», вторая: «Долой войну!» Оба эти лозунга он выкрикивал на протяжении всего своего выступления. Толпа отвечала воем одобрения, аплодисментами, но должен сказать, что опять же лозунг «Долой самодержавие!» имел несравненно больший успех, чем «Долой войну!» Этот последний призыв казался каким-то непривычным, и чувствовалось, что он не вполне соответствовал настроениям большинства.

Внезапно произошло какое-то замешательство, движение в толпе. Раздались крики: «Провокатор! Провокатор! Поймали провокатора!» Оказывается, – так, по крайней мере, шумели в толпе, лично я ничего не видел из-за народа, – кто-то пытался крошечным фотоаппаратом снять чернявого оратора. Это заметили, аппарат вырвали и разломали на куски, а с «провокатором» тут же покончили самосудом. Убили! «Мы его давно знаем, он нам известен», – кричали в толпе. Вскоре новая сцена убийства. Вижу, совсем недалеко от меня, происходит какая-то свалка, кого-то сильно бьют, а другие кричат: «Не убивайте, не убивайте! Никого не надо убивать!» Толпа разделилась во мнениях. Подхожу. На земле лежит убитый полицейский офицер в шинели. Я плохо разбираюсь в чинах, но это был или пристав, или околоточный. Лицо молодое, бледно-зеленого цвета. Глаза закрыты. Из правого виска сочится кровь, из носа тоже, из открытого рта слюна. На лице выражение муки и боли. Видно, он

был забит до смерти. Это был первый убитый, которого я видел в моей жизни. Но как он, в форме полицейского офицера, очутился один среди этой многотысячной, обезумевшей и взбунтовавшейся толпы народа? Говорили, будто он хотел арестовать митингового оратора. Трудно поверить. Убитого куда-то уносят...

Толпа движется вдоль Невского проспекта по направлению Николаевского вокзала. На этот раз никто ей не препятствует. Все больше и больше красных флагов. Появляются целые красные полотнища с теми же лозунгами: «Долой самодержавие! Долой войну!» Толпа заполняет почти всю ширину Невского проспекта, простирается далеко за горизонт. Но не все идут посередине улицы с процессией. Много народу стоит на тротуаре, они не двигаются. Преимущественно интеллигенция, люди «прилично» одетые, но есть и простые люди, питерские обыватели, служащие, лавочники... Они стоят неподвижно, молча, лицом к проходящей толпе. Внимательно, с серьезными лицами, смотрят на нее, но ничем себя не проявляют – ни сочувствием, ни одобрением. Это вызывает неудовольствие у демонстрантов. Начинаются крики, провокации. «Что вы там стоите на панели? – кричат из толпы. – Идите, присоединяйтесь к нам!» Люди на тротуаре, однако, никак не реагируют. Раздраженные крики из толпы усиливаются: «Долой с панелей! Буржуи, долой с панелей! Прочь с дороги!» Но люди на тротуарах продолжают неподвижно стоять и мрачно смотреть на демонстрантов.

Видно, что угрозы их не пугают.

Толпа идет дальше. Проходим мимо редакции газеты «День», самой левой из тогдашних легальных петроградских газет. На балкон второго этажа высыпали служащие газеты, с полтора десятка. Машут какими-то платками, почему-то из черной материи, видно красных флагов не успели припасти. Приветствуют демонстрантов. В ответ жидкие выкрики: «Да здравствует газета “День”!» (У большевиков эта газета была не в почете. Меншевистского духа!)

Слышу вокруг нелепые разговоры, поразившие меня своим невежеством (и это несмотря на мое тогдашнее сочувствие происходящему): «Сейчас ни один буржуй не выйдет на улицу без револьвера в кармане». Или: «От войны буржуи только наживаются. Самый последний лавочник получает сейчас более восьмисот процентов прибыли со своего товара». Но раздаются и более благоразумные голоса. Пожилой рабочий с умным лицом, сразу видно – положительный тип, говорит: «Я понимаю, почему немцы с их Вильгельмом должны теперь радоваться тому, что у нас начались беспорядки. Это им на руку. Нехорошо во время войны устраивать бунты. Но что поделаешь? Довели нас до всего этого все те же Штюрмеры. Как им доверить ведение войны?» Подходим к Знаменской площади, против Николаевского вокзала. Со стороны Лиговки приближается пехотная воинская часть с ружьями за плечами, походными сумками и т. д. Идут рядами, направляются на вокзал. Рядом с ними офицеры. Видно,

их привезли на вокзал для отправки на фронт. Все больше пожилые, многие с бородами. Агитаторы из толпы стараются их пропагандировать, кричат им: «Долой войну!» Но солдаты не обращают на них никакого внимания. Молча продолжают шагать рядами.

Было около трех часов дня. Толпа остановилась на Знаменской площади. Опять начался митинг. Ораторы взбирались на возвышение у памятника Александру Третьему и оттуда зажигательными речами старались воздействовать на народ. Мне трудно было расслышать, что они говорили, но как будто тематика была обычная, революционная. Вдруг неожиданно, откуда ни возьмись (вероятно, со стороны Знаменской улицы), появились пять, если не ошибаюсь, конных полицейских с шашками наголо и устремились карьером на стоявших у памятника ораторов. В моей памяти ярко запечатлелся один из них, вероятно начальник, с высоко поднятой вверх обнаженной шашкой. Трудно себе представить, какая паника овладела многотысячной толпой. «Рубят! Рубят!» – раздались крики. Все бегом устремились скрыться в прилегающие к Невскому улицы; в частности, бежали на Знаменскую улицу. Туда поспешил и я.

Должен признаться, что паника всецело охватила и меня. Это был не просто страх смерти, но и сознание бессмысленности и ненужности такой смерти неизвестно за что. Вернее сказать, смерти ни за что! Ведь не было в данный момент ничего, за что стоило бы сложить свою голову или героически

погибнуть. Это ощущал я всем нутром моим, сознательно или бессознательно – не знаю, но с непреодолимой силой. И потому бежал в этой толпе со всеми и очутился на Знаменской улице. Вдруг остановился и увидел, что остановились и все другие. Тут (или, может быть, пока я еще бежал) со стороны площади донесся до нас крик торжества, а вслед и голоса ликующей толпы. Что-то неожиданно произошло. Все стали возвращаться на площадь, сначала осторожно, потом смелее. Оказывается, – так говорили вокруг, – казак на коне с обнаженной шашкой подскочил к полицейскому и выстрелом уложил его на месте. Остальные разбежались. Победа осталась за революцией!

Постояв немного, усталый, я вернулся пешком домой по Знаменской, – около получаса расстояния. Больше в этот день я не выходил. Положение в городе оставалось неопределенным, никаких серьезных столкновений с правительственными войсками мы еще не видели, разве с казаками, которые явно не хотели бороться, даже наоборот. События подавляли своим размахом, все нарастающей грозностью, но трудно и страшно было себе представить, что взбунтовавшиеся массы победят. Это было бы невероятно, хотя бы потому, что очень уж робка и подвержена панике была толпа.

Следующий день, 26 февраля, был воскресный. В этот день в Петроград из Минска вернулся мой отец (Александр Васильевич Кривошеин), так как в понедельник, 27 февраля, должна была открыться сессия Государственной Думы и Го-

сударственного Совета. После своей отставки с поста министра земледелия отец был уполномоченным представителем Красного Креста на Западном фронте, а следовательно, он был членом Государственного Совета по назначению. Выйти на улицу в воскресенье утром под предлогом идти в университет я не мог, и я оставался все утро дома, завтракали поздно, около часа дня. Вокруг стола, где собралась вся семья, настроение было подавленное, больше молчали, но вряд ли кто из нас тогда сознавал, что мы накануне событий, которые перевернут всю Россию. Во втором часу дня я все же вышел на улицу и направился обычным маршрутом, в сторону Литейного и Невского. Картина не изменилась. Все было, как и в прежние дни. Ни полиции, ни трамваев, ни войск, только на домах висел приказ командующего войсками генерала Хабалова о том, что «ввиду продолжающихся беспорядков Петроград объявляется на военном (или осадном, не помню точно) положении. Всякие демонстрации и скопления народа на улицах воспрещаются, в случае неповиновения войскам дан приказ открывать стрельбу».

Не помню точно, как я дошел до Невского. Ничего особенно не заметил, демонстраций и шествий не было. На Невском, однако, опять начал собираться народ, целыми толпами, но, как мне показалось, в меньшем количестве, чем в предыдущие дни.

Возможно, что приказ генерала Хабалова кое-кого напугал. Все же образовалось внушительное шествие, которое

двинулось от Казанского собора по направлению к Николаевскому вокзалу. Было около трех часов дня. Вдруг совершенно неожиданно, по крайней мере для меня и близ меня находившейся толпы, приблизительно около Александровской площади и памятника Екатерине II раздалась довольно частая оружейная стрельба. Стрелявших не было видно, и кто стрелял, я не знаю. Потом говорили, что это были солдаты Павловского полка. При первых же выстрелах толпа бросилась бежать прочь от Невского на улочку вдоль сада, где памятник Екатерине, по направлению к Александрийскому театру. Стрельба продолжалась минут пять-десять, и было впечатление, что стреляют по бегущей толпе. Но вот что удивительно! Не только убитых или раненых не было видно, но не было слышно ни свиста пуль, ни звуков от их ударов о мостовую. Создавалось впечатление, что стреляли холостыми патронами. А может быть, стреляли в воздух? Это заметила и толпа. До сих пор она бежала или, когда стрельба усиливалась, залегала на тротуаре у решетки сада, а потом вновь бросалась бежать. Но, увидев, что никого не убивают, люди поднимались и уже не бежали, а скорее стремились разойтись и скрыться быстрыми шагами. Как бы то ни было, все опустело на улочке.

В это время ко мне подошел незнакомый мне студент-еврей. «Коллега, – сказал он мне, видя мое волнение, – как вас эти негодяи напугали. Стреляют по толпе! Вам, может быть, далеко идти до дому?» Я сказал, что живу на Сергиевской.

«Это далеко, – заметил студент, – пойдёмте ко мне на квартиру, я живу тут близко. Там переждем, а если хотите, и ночевать сможете остаться». «Нет, мне нужно на ночь вернуться домой», – ответил я. Но пойти на квартиру к студенту согласился, хотя и без большой охоты, так как стрельба совершенно прекратилась и я не видел в этом особой надобности.

Студент жил где-то поблизости, на одной из улиц близ Садовой. Мы вошли в большую комнату на втором этаже, заставленную в беспорядке мебелью и вещами. Посредине как будто стоял стол. В комнату постепенно набралось больше десяти человек. Три курсистки, остальные – студенты. Все – евреи, это сразу было видно и по их типу, и по манере говорить. Они все были революционно настроены, но вместе с тем, видимо, подавлены событиями. Среди них было двое-трое тридцатилетнего возраста, остальные – более молодые. «Вот я привел вам товарища, а то его там на улице чуть не пристрелили», – представил меня студент. Меня встретили любезно, хотя несколько сдержанно. Разговор, естественно, сосредоточился на событиях дня и на только что имевшем место обстреле толпы. «Слыхали? – говорил один из присутствующих. – Николай II перетрусил и удрал в ставку». – «Да, – продолжал другой, – но перед тем он дал приказ стрелять по толпе. И что же? Стоило дать несколько выстрелов, чтобы все разбежались!» – «Да, но завтра все может начаться вновь!» – попытался возразить кто-то.

«Нет, нет! – говорили все. – Революция подавлена. Завтра

все успокоится, никто не выйдет на улицу». – «Никто не думал, что Николай решится стрелять в народ. А вот решился, и все разбежались». – «Не надо было начинать эту авантюру, раз народ неспособен к революции. Теперь самодержавие выйдет только окрепшим».

Разговор перешел на сионистов. Присутствующие ругали их, называли предателями, возмущались их нежеланием принимать участие в революционном движении. «Встретил я Гришу, – рассказывал один из евреев, – знаете, такой маменькин сынок, сионист. Говорит он мне: “Нас, евреев, эта революция не касается. Мы ведь не русские”. Ах, мерзавец!» Кто-то, несмотря на присутствие женщин, стал рассказывать циничные анекдоты. Но его остановили, может быть стеснялись меня. Они чувствовали, что я человек другой среды. А меня поражал невысокий культурный уровень этих студентов, их неосведомленность.

Просидев несколько часов в этой компании, усталый от всех этих разговоров и с больной головой от тяжелого табачного дыма, я решил возвращаться домой. Студент, который привел меня сюда и самый симпатичный из всех, пытался всячески отговаривать меня, но я настоял на своем и, поблагодарив его за гостеприимство, вышел на улицу. Было уже около девяти часов вечера. Погода переменилась. Все предыдущие дни было сравнительно тепло, около нуля, пасмурно, но без снега. А тут ударил мороз. Я быстро дошел до Невского по совершенно пустынным улицам и вышел на него на-

против Надеждинской улицы. Но тут на моем пути возникло препятствие. Вдоль всего Невского, посередине него, в две шеренги стояли войска. Тесно друг к другу, так что пройти сквозь них было невозможно. На небольшом расстоянии один от другого горели костры, своим красноватым светом освещавшие стоящих в строю солдат. Перед строем ходили офицеры. Из небольших групп гражданских людей, толпившихся кучками на тротуарах, раздавались выкрики: «Долой офицера!» Помнится, как один из офицеров продолжал расхаживать взад и вперед, не обращая никакого внимания на кричавших. Но другой, в адрес которого также слышались выкрики, резко обернулся. Группка штатских трусливо шархнулась и попятилась.

Мне нужно было пересечь Невский, чтобы попасть домой, и я попытался пройти сквозь ряды стоящих солдат, но меня не пустили, сказали, что без разрешения нельзя. Я обратился к ближайшему офицеру, объяснил, что мне нужно попасть домой. Тот сразу разрешил, и я прошел сквозь солдатские ряды, что было не так-то просто. Мне пришлось буквально проталкиваться между ними, так тесно они стояли. В течение получаса я благополучно дошел до дому, не встретив на улицах ни души. Дома я узнал, что взбунтовался батальон Павловского полка, но этот путч был подавлен другими частями того же полка, и что зачинщики арестованы и будут преданы военно-полевому суду.

На следующий день, в понедельник 27 февраля, я вышел

из дому часов в девять-десять утра. Одновременно со мною вышел мой брат-офицер Игорь, находившийся в это время в отпуске. Не знаю, по какому делу он вышел, но мы вместе направились налево по Сергиевской и стали двигаться к Таврическому саду. Мы пересекли Сергиевскую и дошли до близко находящегося угла Воскресенского проспекта. И вот здесь, на углу Сергиевской и Воскресенского, мы услышали со стороны Кирочной доносившийся оттуда не то вопль, не то протяжный крик. Слышно было на расстоянии, что кричало множество голосов, сотни, тысячи, как нам казалось. Вопили долго, непрерывно, то усиливаясь, то ослабевая. И хотя голоса были мужские, но кричали на высоких нотах, истошно, с надрывом, не то с остервенением, а может, и с восторгом. И так долго-долго. «Что это такое? – недоуменно обсуждали мы с братом. – Кто это так кричит и почему?»

В это время к моему брату подошел молодой, высокого роста унтер-офицер с приятным лицом. Он ловко стал во фронт, шаркнул ногами и, отдавая честь, сказал брату: «Ваше благородие, не ходите туда. Там на Кирочной взбунтовался Волынский полк. Там Вас могут убить!» В голосе его ощущалось сочувствие и озабоченность о жизни офицера, даже лично ему незнакомого. Мы сразу поняли, что означали эти крики со стороны Кирочной. Брат мой смертельно побледнел, хотя сохранял спокойствие. На лице его изобразилось горе и страдание, как будто что-то дорогое для него рушилось на глазах. Он поблагодарил унтер-офицера и пошел

обратно домой. Я хотел было идти дальше, но мой брат начал строго требовать, чтобы я немедленно возвратился домой. Восстание в армии было и для него и для меня неожиданностью, казалось невероятным! Но, в отличие от брата, я ощутил сильную радость. Вот она, настоящая русская революция, сейчас начинается. И это казалось мне тогда привлекательным и заманчивым. Очень уж кошмарной была вся петроградская атмосфера в последнее время, так что неудержимо хотелось перемены и выхода. Тот, кто не был тогда в Петрограде, этого не поймет. Что было, то было, прошлого не вычеркнешь, и что бы ни случилось впоследствии, история делалась на моих глазах.

Отец строго запретил мне выходить из дому. Но через некоторое время я снова захотел выйти, но моя тетушка это заметила и сказала отцу. Ослушаться отца нам никому не приходило в голову, я просидел дома два дня, не выходя на улицу, а потому дальнейшего хода революции непосредственно не видел. Я мог бы поэтому прекратить здесь мой рассказ; добавлю, однако, еще немного, чему я все же был свидетель.

За окнами нашей квартиры, выходящими на Сергиевскую, слышался гул многочисленных голосов. Мы стали смотреть в окна, хотя прислуга, пожилая горничная, меня оттаскивала, говорила: «Не надо! Увидят в окне, выстрелят, убьют! От них всего теперь можно ожидать. Бунтовщики, потеряли человеческий вид!»

И действительно, по улице по направлению к Литейному двигалась беспорядочная группа солдат, человек сто пятьдесят-двести. Очевидно, это был взбунтовавшийся Волынский полк или, по крайней мере, часть его. С ружьями за плечами, не держа строя, без офицеров, они шли толпой посреди улицы, громко разговаривая между собою и то и дело останавливаясь. Наконец кто-то крикнул: «Вперед!», и все двинулись по Сергиевской. Но через минуту крикнули: «Обратно!», и все солдатское стадо отхлынуло назад и скрылось за углом Воскресенского.

Во всех этих событиях поражало полное отсутствие противодействия со стороны правительственных сил. Александр Васильевич Кривошеин, мой отец, в те дни сделал замечание: «Я вижу революцию, но не вижу контрреволюции». Он сказал это, смотря в окно на взбунтовавшихся солдат.

В эти дни в Петрограде пошел мелкий, но довольно частый снег. В нашей квартире появился министр земледелия Риттих, бывший помощник моего отца и близкий ему человек. Он не смог добраться до своего министерства и прибыл к нам на квартиру, надеясь отсюда созвониться по телефону с правительственными учреждениями, выяснить обстановку и попытаться как-нибудь организовать сопротивление. Телефоны, несмотря на революцию, работали более или менее нормально, но все попытки связаться с нужными людьми оказались тщетными. В одних учреждениях говорили, что никого нет, в других не отвечали, в третьих уже ра-

ботали какие-то «комитеты». Не добившись ничего толкового, Риттих скоро ушел. Он был возмущен быстрым правительственным развалом, бездарностью и безволием правящих лиц, как военных, так и гражданских.

Вскоре на нашей квартире начали появляться своего рода беженцы, искавшие у нас безопасного места. Дело в том, что мой отец уже полтора года как ушел с поста министра земледелия и не был у власти. О его уходе многие жалели, он пользовался доверием в общественных кругах. Вообще он был «одиозной фигурой», и потому наша квартира могла казаться многим безопасным убежищем. Конечно, это была чистая иллюзия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.